

Родилась в городе Бендеры. Поэзией увлеклась ещё в подростковом возрасте, в 12 лет — первые стихи. После развода отца с матерью три последних года жизни в России провела между Ленинградом и Бендерами. Осенью 1989 года обе семьи эмигрировали в Израиль. Анна, разумеется, с ними. В Израиле Анна прожила неполных десять лет, в 1994 году у неё родился сын. Неурядицы в личной жизни стали причиной увлечения тяжёлыми наркотиками. Смерть наступила 4 апреля 1999 года от героина. Первая публикация — 1991 год, Иерусалим, журнал «Обитаемый остров» (тогда же ею и выбран псевдоним). Помимо этого, при жизни стихи печатались в журналах «Двоеточие» и «Солнечное сплетение», в альманахе «Симург». Посмертно вышло четыре собрания стихов, самое полное — «Успевай смотреть» (Иерусалим, ИВО, 2014).

Я ГОЛУБКА, ДЕТКА

★ ★ ★

юннат безпризорный могильщик
ты клеил серебряный гроб
но что мне до смерти я птичка
я зоологический сноб

умелец роскошный курильщик
ты думал я жить не хочу
я жизни не знаю я птичка
я небо верчу

* * *

дома как стопки детских книг
лежащих поперёк
возьми меня с собой на юг
где каменный песок
возьми снеси меня к себе
где лёгкая вода
смотреть как тихо почему целует никогда

* * *

В день торжества электросвета
в час накренившегося лета
мне снится город заповедный
весь набережный весь подледный
из ночи плотной непроглядной
где выпросталась дверь парадной
мне снишься ты в дожде и стуже
в ознобе бедности и хуже
но всякий раз в густом покое
когда ни словом ни рукою
ни силой воли ни досадой
ответного не вырвать взгляда

* * *

скажи что стало с Гаммельном моим
он мой флажок свивается на древко
как простынь со стола стекает в реку
его пастух прицелился за ним
свалились этажи моих домов
осыпались они не удержались
смущенные цыгане разбежались
и птица мышь касается полов
ложится тёплый снег на городок пустой
на мёртвые тела живые крыши
лег теплый снег
ложись и ты со мной

* * *

просыпайся умерли ночью поэты все-все
в подвале больницы они занимают три полки большие
одни опухли ужасно,
усохли другие
а один так воняет санитары и те
намекают друг другу на это

одевайся посмотрим
только приговых тех шестнадцать
айги ещё не считали
их вставные зубы раздали слепым детишкам
для еврейского карнавала

или, знаешь, пожалуй, останемся дома
говорят, там пожарники и милиция
я боюсь милиции

ты боишься пожарников
Наталья боится волков
останемся пить лимонад
вспоминая
как ходили поэты на парад — трум-пум-пум!! пиу!

POST FACTUM

1.

они в саду играют марш
давай играть в войну
ты будешь мой отец погиб а я тебе рыдать
теперь они играют вальс
а ты и я разврат
теперь ты мой хороший брат а я с тобою спать
затем они сыграют что
но мы давно ушли
здесь звезды страшные горят у них глаза внутри

2.

я маленький японец в кипятке
вода почти до дна достигла
вот врач идёт с предсердием в платке
и к тряпочке платка оно прилипло
а смерть выходит из-за леса
с такой же тряпочкой в руке
ты не ходи ко мне моя принцесса
я маленький японец в кипятке

3.

Мы говорим на детском языке
нам громких букв не удержать в руке
а имена степей во рту врага
и в танк его обутая нога
и в ветер смерти вдетая рука
блуждающего христианства
мы пьем из баночек вино
а наших хижин постоянство
военной карте всё равно

4.

смерть прикрывает наготу
плотью мальчика головой щенка
вот, мы брат и сестра
пойдем спустимся в пустоту

тогда
по горло во тьме
клебучие небеса стараясь не видеть
вот, вы брат и сестра
скажут боги прячущие лицо

в этот праздник неспелого хлеба нас некому выводить
от полей каменных злаков чеканной конопли
в этот день несвернувшейся крови некому нас простить
мы брат и сестра
из дельты

голуби
голуби площадей нас научили
жить

5.

Цветы живут быстрее тленья вишен
еще быстрее и слаще жизнь вина
я имени села сюда не слышу
но белая сладка его стена
быстрее, белей и слаще наших стен
там церковь по колено в чернозём

6.

Одна война зимы две месяц рыбьей кости
я покажу тебе себя еще
три сладкое клеймёное плечо
космодемьянской на допросе
теперь смотри когда они пройдут
березы и табак дурного цвета
затем опять голландия и эта —
чья створки А нам небо раздерут

где все плескался твой зелёный глаз
нежадно искажая всё живое
где я одна с тобою
где нету нас

7.

Где ночь отвесная в падении свободном
ни перьев золотых ни каблуков
там гладь небесная еще надёжней водной
смыкается и не даёт кругов

второе солнце смерти поднималось
железное над городом Но мы

не слушая его опять пытались
прикрыться пыльною одной полой зимы

одним ее невнятным одеялом
от собственных холодных светлых глаз
вторая стража смерти всё кричала
по имени не забывая нас.

Всё отделённое страницей, двумя ли,
всё неопасное невидимо. Усни,
чума идёт по улице. Едва ли
после войны ты вспомнишь эти дни.

* * *

припали крылья мои к спине
и воздух к дыханию глух
ты знаешь имя моё но не
его произносишь вслух
и вовсе поздно рассвет кладёт
мне на лицо ладонь
скоро меня господь приберёт
праздничный как огонь
ах он возьмет меня насовсем
всего позволит просить
чем дальше от дома он скажет тем
легче всё позабыть

* * *

Сон... смертным потом волосы твои
к остывшей прилипают голове

о господи сейчас твоей щеки
я прикоснусь на снеге и траве
где ты стоишь пускай ни звук ни свет
уже не проникают до тебя
но для прикосновенья смерти нет
и жизни нет но только
ты любя

* * *

Тело за мною ходило тело
Ело маковый мёд
А теперь довольно, мне надоело
Я во власти других забот

Я в зубах сжимаю алую нить
К ней привязаны небеса
Я всё выше, выше желаю плыть
Я хочу оставаться сам

Гильотина света над головою
И мне дела нету до нас с тобою
Пусть они в разлуке, в беде навеки
Я сегодня сам и мосты и реки
Я огонь и трубы, вода и мыло
Я что хочешь, лишь бы тебе польстило

Я Ариадна скалою у грота
В зубах нитка, во рту монетка
Я себе Ариадна, Тесей и Лота
Я голубка, детка.